

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 14

1983

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

П А М Я Т Ь

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

ПАМЯТЬ

Стихи и поэма

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Екатерина Васильевна Шевелева в молодости работала семь лет токарем на заводе «Динамо» имени Кирова; в числе лучших производственников участвовала в известной встрече А. М. Горького с молодыми рабочими Москвы. Первый сборник ее стихов «Лирика» вышел в 1940 году. Во время войны работала в ЦК ВЛКСМ, во фронтовых комсомольских бригадах. Стихи Шевелевой печатались в «Правде», «Красной звезде», «Комсомольской правде», во фронтовых газетах. Она ветеран движения борьбы за мир, участница многих конгрессов и международных форумов. Лауреат премии имени Воровского «За лучшую работу в области международной журналистики». В шестидесятых годах была собственным корреспондентом газеты «Труд» по Индии.

Екатерина Шевелева — автор тридцати книг стихов и прозы. Ее роман «Александровский сад» отмечен премией ВЦСПС и Союза писателей СССР «За лучшее произведение художественной прозы о современном рабочем классе». Многие стихи поэтессы («Серебряные свадьбы», «Уголок России», «Песня о первых комсомольцах», «Счастье непонятное мое» и др.) положены на музыку и стали известными песнями.

Произведения Екатерины Шевелевой переведены на белорусский и латышский языки (проза), на литовский, латышский и чешский (стихи), на немецкий, финский и арабский (публицистика).

РЯБИНА

Стояла я, в дожди поверив,
От всех желаний в стороне,
А ветки влажные деревьев
Вовсю помочь старались мне:
Со всех моих бессонных улиц,
Со скверов, от Москвы-реки
К вам одному они тянулись
Моим запретам вопреки.
И вдруг оранжево и ало
Зажглась рябина надо мной,
Напомнив: осень — лишь начало,
Зерно, прикрытое землей.
Еще окупятся сторицей
Слова, которым я верна,
Полей заполнятся страницы,
Пшеницей станут семена.

ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Здесь коряги — как пальцы гигантской руки.
Здесь овраги — гранитным хребтам вопреки.

Здесь у ветки бугристой накопленный вес.
Белка рыжею искрой проносится здесь.
В напряженном покое, как в преддверье грозы,
Жизнь иголочкой хвои трепещет вблизи.

Мне бы вас в этот жаждущий вечности мир,
К елям, небо пронзающим вроде рапир,
В эту просинь, наивную, словно свирель,
В эту осень, похожую вдруг на апрель,
В этот мох, словно мех,
В эту дикую мощь,
В эту радость любому мгновению...

...Но у вас — мокрый снег,
Но у вас — мелкий дождь,
Но у вас — хмурый взгляд, к сожалению!

РУССКАЯ РАВНИНА

Геометрия линий.

Как будто окрестность расширив,
В бесконечность уходят

скрещения зимних теней.

Белокрыла зима.

Бесконечна равнина России.

Ни тропы не пробьешь,

ни лыжни не проложишь по ней.

Но иду,

убеждаясь в своей человеческой силе,

Но иду,

доставляя по адресу

будничный груз.

Белокрыла зима.

Бесконечна равнина России.

И — частица крылатости —

я ничего не боюсь!

Все мне чудится,

что геометрия эта проснется,

Взгляд знакомый мелькнет,

Очень зимний

и очень родной,—

Может быть, потому,

что огромное близкое солнце

Над снегами стоит.

Над Россией стоит.

Надо мной.

Я — КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не надо хмуриться,

я — Колыбельная:

Туманность улицы, огней пунктир,

Дорога лунности, тропа метельная

Из шумной юности в притихший мир.

Не надо гневаться,
я — Колыбельная:
Ритмичность сердца, любви броня,
Дорога памяти, тропа забвения...
Тревог исчезнувшего дня.

Я — Колыбельная, я — Колыбельная
Полей раскинутых, седых вершин...
А губы сжаты, а брови сдвинуты,
И не разгладить на лбу морщин.

Тогда какая же я Колыбельная?
Рассвет врывается в ночную даль.
Судьба короткая и беспредельная,
И счастлив тот,
кому себя не жаль...

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

В январском сиянии сонном,
Подернутом зябким туманом,
Лыжня притворялась условным
Начерченным меридианом.

И вдруг перекинулась в дали,
Где все как в начале апреля,
Где ветры звенели, рыдали,
А в сердце стучали капли.

И стала бураном равнина,
И нету тропинки прямой...
Что делать теперь, Катерина?
Что делать тебе, Катерина,
С такой сумасбродной зимой?

МАТЬ

Знала мать: у дочки много дела.
Но пока жила на свете мать,—
На меня всевидяще глядела,
Тщилась что-то главное сказать.

Вся ее измученная сила,
Хитрость, материнское чутье
Шли на то, чтоб я ей уделила
Полчаса для важных слов ее.
Ей и дня, конечно, было б мало,
Но свое твердила я в ответ:
«Покороче, покороче, мама.

Ни минуты нет!»

Тот регламент действенный, железный
Мамину заботу и печаль,
Доводы, примеры

в бесполезный

Надоедный лепет превращал.
И, с тоскливой ревностью старушки,
Не сдержав себя, вздыхала мать:
— Доченька, играй в свои игрушки,
Мне твоих игрушек не понять!

Позже, в озаренье смерти близкой,
Мама мне оставила завет
Той любви — не женской, материнской, —
Той, что зорче не было и нет.

...Все я вижу, знаю, понимаю,
Будто в сердце — тонкой связи нить.
Времени у вас не отнимаю,
Коротко стараюсь говорить.
Но внезапно, в озаренье странном,
Слышу я: во мне живут года,
Чувствую: владею словом главным,
В твердь земли вступая навсегда.
Говорю от имени державы,
От ее чеканного литья:
— Верь в свои бессмертные забавы,
Человек седой, мое дитя!

НА ВЫСТАВКЕ КАРТИН

Нет на полотнах серенького щебета,
Здесь лица — будто двойники огня.
Из-под бессонных век
здесь бабы щерятся
По-сестрински,
по-свойски на меня.

Да, я — такая:

 будто бы в пожарище,
Багровая, распухшая, как бред, —
От той же самой ранящей и старящей
Любви, которой, бог весть, сколько лет!
Как будто бы нарывами на коже,
Как будто бы вулканами внутри.
«Ты видишь, на кого теперь похожа?
Что сделала она с тобой — смотри!»
Уродливой громадиной придавлена,
Стою, как в заколдованном кругу.
Растрчено священное приданое.
Банкротом?

 Не хочу и не могу!
За дверь рвануться —
 будто снова вырасти
До звезд, черемух, молодых гитар...

...И все-таки прощаю божьей милостью
Художнику
 его проклятый дар.

ПОСЛЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Наверно, есть предел для всякой боли.
Еще чуть-чуть —

 и сердце не воспримет:
Все грубое, жестокое, любое
Покажется уколами тупыми.

Чего-нибудь перехвати в столовке —
И дальше день свой волокни, как было.
Не более булавочной головки
То ноющее,
 что сияньем было.

Мир чепухи твердит мне, что, состарясь,
Об этом вспомню, как о детской кори.
Твердит:

 еще стихи,
 стихи остались!

Ах, да. Стихи...
 А что это такое?

ВЕЧЕР

Как пес, бродяга или пьяница,
Предпочитающие мглу...
Живу я в дальней вашей памяти,
В ее захламленном углу.
К чему мне унижаться, кланяться...
Ведь мы почти что старики!
Живу я в дальней вашей памяти
И охраняю...
Пустьяки:
Вопрос, ответ, рукопожатие,
Апрельский вечер, влажный сад...
Как будто светлое объятие —
Прощальный неотрывный взгляд...
Когда же вы совсем устанете...
От встреч, собраний, телеграмм,
Из вашей самой дальней памяти
Я подхожу неслышно к вам:
Оставь свои заботы важные,
Любимый мой, хороший мой.
Луна — большая, ветки — влажные.
Пора домой...
Вы на часы с улыбкой взглянете:
Действительно, который час?
И я из дальней-дальней памяти
До дома провожаю вас.
Бреду я по московским улицам...
К началу завтрашнего дня?
А в дальней памяти сутулится
То, что осталось от меня.

ЛЫЖНЯ

Зимы морозной четкая примета,
Тень легкая промчавшегося дня,—
От ясного заката до рассвета
Уверенно проложена лыжня.

Прямая, серебристая такая,
Как будто засветилась от звезды,
Идет она, простор пересекая,
Где дикие звериные следы.

В краю суровом вроде старжила
Я помню все метели до одной.
И все-таки лыжню я проложила
Для девочки, идущей вслед за мной.

КАК СТРАННО КОНЧАЕТСЯ ВЕК

Как странно кончается век:
Как будто стоит на часах;
Как будто нетающий снег
Лежит на его волосах.
Как будто в юнгштурмовке он,
По форме затянут ремень.
Но взор голубой устремлен
Не в прошлый, а в будущий день.

Над судьбами гаснущих рек,
Лесов, хоронящих листву,
Великий трагический век
Наивно стоит на посту.
Взывает к планете:

— Кружись!

Конем карусельным лети!

...Как странно кончается жизнь:
Как будто бы все впереди!

КОММУНИСТ

(Лирическая поэма)

1. СРЕДИ ГРОМАДНЫХ ДЕЛ

В глубинах личной памяти храню,
Как истинные золотые слитки,
Папанинских полярных вьюг броню,
Горячее дыхание «Магнитки».

...Учила по слогам:

«Мы — не рабы!»

Потом уже не по слогам училась
Не кланяться велениям судьбы
И не сдаваться ворогу на милость.

Карабкалась сквозь заросли невзгод,
Колючие сомненья отстраняя;
Упрямо поднимала каждый год
Знамена Октября и Первомая.

Не буду лицемерить криводушно:
Порой сама себе врала в ответ...
И распорядок дня его наруша,
Вошла к нему в рабочий кабинет —
Как в Брестскую трагическую крепость,
Как в минский, им воздвигнутый завод,
Сравнительную чувствуя нелепость
Меня уничтожающих забот.

— Когда-то Революция свершилась
Во имя Правды, вопреки чинам.
Как можно допускать сегодня лживость
Шаблонных фраз, преподносимых нам?!
Не верю я ни в ад, ни в кущи рая,
Ни даже...

Тут он перебил меня:
— А я стараюсь жить, соразмеряя
Мои мечты с возможностями дня.
Читаю Ленина. И ты прочти.
Душой становишься сильнее, богаче.
Он претворял стратегию мечты
В настойчивую тактику задачи.
Для коммуниста нет беды страшней,
Чем испытать душевную усталость.
И лишь одно поможет сладить с ней —
Сознание, что приносишь людям радость.
В нем жизни смысл, в нем отрицанье смерти.
Хочу помочь тебе в твоей беде:
Руководитель партии в ответе
За все

И, значит, за судьбу людей!

Я нерадиво слушала. Меня
Невысказанность давняя душила.
И прорывалась, пагубно звеня.
(Наверно, так ломаются машины.)

— Душой богаче! — усмехнулась я.—
Иной себе благá охапкой тащит!
— Ты видела Ошмянские края?
Там камни в почве. Это преходяще.
Их надо непрестанно корчевать,
Очей, как говорится, не смежая.
А в обществе еще трудней собрать
Хороших дел и мыслей урожай...

И как бы сквозь завесу многих лет
Во мне рождалась, раздвигая тени,
Похожая на медленный рассвет
Целительная радость удивленья,
Что в гуще множества громадных дел,
Проектов, начинаний и свершений
По-дружески помочь мне захотел
Товарищ Петр Миронович Машеров.

А за окном, в каскадах снежных искр,
Строительные ритмы не стихали.
Восставший из руин красавец Минск
Обозначался мощными штрихами.

...Я видела, как трудятся минчане,
Как личности слагаются в труде.
Я знала, что Машеров отвечает
За все.

И, значит, за судьбу людей.

2. В ЛЕСУ ПАРТИЗАНСКОМ

Есть микроклимат в памятных местах,
Где шли бои высокого накала,
Где Будущее в призрачных мечтах,
В кипенье мыслей проступало.

Суровая символика зимы:
Завьюжены израненные тропы;
На давние могильные холмы
Похожи кособокие сугробы.
Но в тишине, неслышанно густой,
Где слову тяжело, песне не запеться,
Нежданно различаю ритм простой —
Как будто под сугробом бьется сердце.

Я различаю крохотный родник —
Журчит свое, не остановлен грубо —
Наверно, потому, что он приник
К могучей силе векового дуба.

А снег вокруг тяжелый, голубой,
Каким его не видят горожане.
И я вчерашний разговор с тобой
Одна в лесу заветном продолжаю.

— Я верю в дружбу без жеманных слов,
В духовную огромность кратких встреч.
Бывает дружба крепче, чем любовь,
Бывает, что ее трудней сберечь!

Так много в сердце у меня потерь,
Не знаю, в чем права, в чем виновата?
Хочу понять, каким ты стал теперь,
Хочу сравнить с таким, как был когда-то.

— На мастерскую зимнюю взгляни!
Былых бойцов декабрь скульптурно лепит.
Я был таким же точно, как они.
Я сохранил в душе их жизни трепет.

— Ты стал добрей?

— Нет. В чем-то жестче стал.

Короче день, что нам казался длинным.
А прошлое совсем не пьедестал, —
Уместней, может быть, сравнить с трамплином.
Всегда достойней правоту свою
Доказывать не званием, не славой,
А так, как воин. В праведном бою.
Как математик. Логикой здоровой.
...На ветках снег тяжелый, голубой.
И видится сквозь дымный сумрак леса
Мир чувств и мыслей, хлеба и железа,
Который вырос заодно с тобой.

3. В АВТОБУСЕ «ИКАРУС»

Зимнее солнце в зените.
Бронзовы ветки берез.
Зимние тонкие нити
В сумерках русых волос.

Крепко очерченный профиль
К дальним снегам обращен.
Будущий хлеб и картофель
В будущих буднях еще.

Где-то за белым простором,
В пепле, седом дочерна,
Вечное время, в котором
Вся уместилась война.

Вихрем встает за плечами
Нынешний прожитый день;
Смелые люди — минчане,
Вещие сны деревень.
Тех, где страда.

И застолья
После нещадных трудов;
Тех, чья немалая доля
Вложена в быт городов.

Видит он яркие блики
Нового в трепетной мгле:
Детища века возникли
На белорусской земле;
В дружбе с великой Россией
Взлет совершился крутой:
Создана та индустрия,
Что представлялась мечтой.

Движимый волей народной,
Не прекращается взлет.
Жодино. Речица. Гродно.
Мощность. Ресурсы. Азот...

Мчится багряный «Икарус»,
Ветром попутным храним.
Незабываема радость
Быть вместе с другом моим...

Любит он быстрые вихри,
Спорта крутые броски.
Любит рискованно, лихо
Мчаться по гребням морским.

* * *

В Россоны вновь направил он маршрут.
Ему близки отеческие дали.
Его торжественно сельчане ждут:
Надели ордена, медали.

Лучи своих морщин несут к нему
Старухи, позабывшие о смехе.
На зерна, пробуравившие тьму,
Похожи здесь упрямые успехи.

С ним о невзгодах люди говорят:
— Нехватка техники... Плоха дорога...
Но просят лишь одну из всех наград:
— Ты погости у нас еще немного!

За ними — партизанские бои.
Над ними — вечной непогоды тучи.
И нет такой старательной семьи,
Где не считался бы он сыном лучшим.

А он, оратор вдохновенный, он,
Умеющий зажечь правдивой речью,
Молчит, сыновним чувством полн,
Как в юности отважен и застенчив.

...Россоны, Россоны!

Из яви бессонной
Кипящей сирени навал.
В Россонах, девичьей красой потрясенный,
Полину женой он назвал.

Россоны, Россоны!

Омыто росой
Сиянье великой Любви.
Здесь трелью серебряной, песней лесною
Звенели его соловьи.

5. ТРУДНАЯ ЖАТВА

Попали мы в район авральный.
От ливней горизонт ослеп.
Невыносимый ветер шквальный
Скрутил, свалил, измучил хлеб.

— Чем вам помочь, чтоб удалось сберечь
И лишний пуд и даже горсть зерна?
Он знает: надо технику поднять.
Стратегия утверждена в ЦК.
Но тактика решает все опять;
Но тактика решает все пока!

В его маршруте — Гомельский завод,
Там новой жаткой занят коллектив.
Ну, а потом он в самый обмолот
К оснежицкой пшенице прилетит!

И снова вихря взмах. И неба синь.

Когда уже мы завершали путь,
Он попросил пилота повернуть
Чуть в сторону от Минска.
На Хатынь.

Запомнился лица его овал —
Озерное волнение чела.
Глядел он на Хатынь.
Рапортовал
Безмолвно тени каждого села.

И принимала памятная тень
Пожарищ, исторических боев
Его очередной рабочий день
В суровое бессмертие свое.

7. ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

В сумбуре тяжком экстренных забот
Ему казалось: справиться невмочь;
За много лет такой впервые год,
Что дней как будто нет — сплошная ночь!

Прижав ладонь горячую к виску,
Где ощутимо билась пульса нить,
Он все-таки решил звонить в Москву.
В Москву он все-таки решил звонить.

(А я в тот миг немыслимого лета
К Машерову вошла взять интервью,
Поскольку залучила «Литгазета»
Меня в корреспондентскую семью.

Еще не раз я вспомню в час кручины
Отчетливо, как помню до сих пор,
Пример принципиальности партийной —
Решающий короткий разговор.)

— Хлеба стоят у нас почти в болоте.
Не сможем урожай приличный взять.
Я думаю, что вы меня поймете.
Минск и Москва — как будто сын и мать.

Добавил он — для четкости картины, —
Что и в прогнозе дальнем солнца нет...

Разгладились на лбу его морщины,
Пока он слушал вдумчивый ответ.

Он чувствовал, что Кремль не поторопит, —
Дает возможность без красивых фраз
Вникать в огромный, многотрудный опыт,
Передаваемый в тяжелый час.

Благожелательным, спокойным тоном
Он вдохновлен. И верится ему,
Что солнце разорвет сырую тьму, —
Земля поднимет урожая тонны;
Что ливни не такая уж помеха,
Что можно жить наперекор ветрам.

— Да, мы поищем «формулу успеха».
Сыновнее спасибо вам!

8. ФОРМУЛА УСПЕХА

Снова ливнями поля изранены.
Ветры завывают непрестанно.
Поздний вечер.

Собрались комбайнеры
Под навесом полевого стана.

Мы пришли.

И стали мы участниками
Неакадемической беседы:

В чем причины, что в районе Чашниковском
Выше урожай, чем у соседей?
Там такие же посевы злаковых,
Та же почва, сроду невезучая.
Ветры — одинаковые, ливни — одинаковые.
Почему у чашниковцев лучше?

Петр Миронович решил заранее:
Полетит в любую непогоду,
Чтобы лично передать комбайнерам
Суть беседы по прямому проводу.
И сияние, что в сердце выросло
Вопреки кошмару непролазному,
Постарался он логично выразить, —
Так, как было партией подсказано.

Он сказал:
— Проверьте все в сравнении,
Малость каждую в своей работе —
Давнее привычное смирение
На полях отсталых вы найдете!

Он доволен выведенной формулой:
Каждый новоявленный просчет —
Результат смиренности несломленной,
Косности, не сломленной еще!

Он доволен выведенной формулой:
Достижение каждое, успех —
Результат отваги обоснованной,
Будь то нива, космос или цех!

...Если горизонт мой заволакивают
Неудач очередные тучи,
— Ветры, говорю я, одинаковые;
Ливни, говорю я, одинаковые.
Почему у чашниковцев лучше?

9. СЛУЧАЙ В КОЛХОЗНОМ МАГАЗИНЕ

Несмотря на то, что было поздно
И пилоты берегли бензин,
Он решил наведаться в колхозный
Лишь на днях открытый магазин.

Всё в ассортименте. Шубы. Бусы.
Всё — от люстр до простенькой вещицы.
Вежливо Машеров улыбнулся
Юной деловитой продавщице.
Постоял он, ситцами любуясь,
И, уже почти сойдя с крыльца,
Различил змеившуюся грубость
В масляной ухмылке продавца.

Продавец мне сразу показался
Неспособным проявить испуг,
Показался мне рекламой «класса»
Цепких, изворотливых хапуг.

И не получил он замечанья:
Не уразумел бы здравых слов!
Помню уплотненное молчанье,—
Как бы конфронтацию основ
Человеческого совершенства
И... всесильнейшего воровства!
Нет на свете никакого средства
Их связать хоть ниточкой родства!

Помню взгляд скольльзящий глаз белесых
Из-под нависающего лба,
Как из-под тяжелого навеса.
Злобная была в них ворожба;
Ненависть потомка полиция
В них таилась, тупо прорицая
Катаклизм — по имени Судьба.

10. ИЗВЕСТИЕ

«4 октября 1980 года в автомо-
бильной катастрофе трагически
погиб...»

(«Правда», 6 октября 1980 г.)

Растерзало душу известье.
Не могу. Непереносимо,—
Будто с ним погибаю вместе,
Сокрушенная адской силой.

...Мне навстречу кто стар, кто молод
С беспокойствами их простыми.
Но привычно живущий город —
Как пустыня он, как пустыня.

Я куда-то бреду, ступаю
Сквозь туманы, сквозь тучи пепла.
Мне вдогонку: — Она слепая!
Мне вдогонку: — Она ослепла...

Нет ни гор в осеннем багрянце,
Ни внезапной высокой сини.
Даже если очень стараться —
Больше нет ничего отныне.
Нет на свете ни дня, ни ночи.
Обмелели моря и реки.
Даже если стараться очень —
Больше нет ничего навеки.

Затаилась, как в черной нише,
Я в крошечной немой обиде.
Кто-то шепчет: — Она не слышит.
Кто-то шепчет: — Она не видит...

Я страницы газет листаю:
Как случилось безумье это,

Что пустая, совсем пустая
И сама я и вся планета?!

11. ОСЕННЕЕ НЕБО

Небо осеннее серое.
Небо слезами набухшее.
Плачет народ по Машерову.
Эхо рыданий я слушаю.

Вижу тропиночки вязкие,
Вижу землянки замшелые.
Плачут леса партизанские,
Ветки склоня над Машеровым.

Вижу Любовь, что не старится
Годы — со дня ее первого.
Плачет жена и соратница,
Вечная юность Машерова.

Замерли в скорбном молчании
Нивы с громадой — машинами.
Плачут его витебчане,
Плачет народ по Машерову.

Горе — оно многоликое:
Может застыть, вроде инея,
Стать неподвижным унынием.
Или... Ступенью великою!

Шагом к победе. Решением —
Разве не верно, товарищи?! —
Будничным трудным свершением,
Память о нем утверждающим.
Тяжкая глыба рыдания.
Тучи тяжелые, серые...
Веря в лучи созидания,
Плачь, Беларусь, по Машерову!

12. ПАРУСА

Утро в Браславе,
Солнце всходило
Над грядой изумрудных холмов.
Было связано все воедино —
Созидание, дружба, любовь;
Тихих сосен смолистые ветки,
В чешуе серебристой волна;
Были связаны крепко, навеки,
Воедино — душа и страна.

Трагедийная горькая горесть
Не виднелась в прозрачной воде.
И стоял он — республики гордость —
В окруженье хороших людей.

Отступала куда-то рутинка
От накала мечты волевой;
Возникало виденье, картина
Яхты, схожей с тугой тетивой.

Управлялось с ветрами на яхтах,
Добивалось спортивных побед
Поколение восьмидесятых —
Пусть так будет — счастливых лет!

Открывала в то утро планета
Все дороги ему, все пути,
Но прекрасней, чем озеро это,
На земле невозможно найти!

...Отражаются в озере выси
Горные, нивы, леса.
И его окрыленные мысли —
Паруса, паруса, паруса...

13. ГЛАВНАЯ ПРОВЕРКА

У каждого есть «звездный час» особенный;
Рубеж важнейший, главная проверка
Достоинства и чести человека:
В душе не сломленный он или сломленный?

По-разному идет «проверка качества»:
Иного разглядишь, как на ладони,
Иной за декорациями спрячется,
А кто-то промолчит, как посторонний.

Такие есть, кто искренно старается,
Работает во имя общей цели —
Пока не изменилась ситуация
В их министерстве или в их отделе.

Такие есть моральные калеки,
Для коих выраженье чувств — как пастбище:
Их чувства адресуются коллеге
Влиятельному и покуда здравствующему...

Я здесь не говорю о тех, которым
Давно уже не угрожает смерть:
Давно уже за кастовым забором
Они устроились бессмертно тлеть.

...Воспитанные кадры аппаратные,
С ним много лет работавшие вместе!
Он запрещал вам словеса парадные,
Не выносил он проявлений лести,
Слепого не терпел повиновения
Служаки, лезущего вон из кожи.
Не ждал он никакого восхваления.
Но и забвенья не хотел он тоже!

Тем, кто сейчас его «не помнит» имени,
Я пожелаю вечное виденье:
Чтобы республики озера синие
На них с немым презрением глядели!

14. ЧУДО НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

В сердце не зарубцевалась рана...
Накануне восемьдесят первого
Я пошла взглянуть на мальчугана,
Сына младшей дочери Машерова.

Был ребенок назван кровным именем.
А в часы трагические, скорбные
В память деда получил фамилию,
Как бы честь и славу родословную.

Стало быть, растет Машеров Петя.
Он контактный? Робкий? Или хмурый?
Ладно ли ему на белом свете,
Как моим внучатам, Насте с Юрой?

Предо мной стоял серьезный мальчик.
Тоненькое крепкое растение.

В глубине наивных глаз ребячьих
Неулыбчиво таились тени.

Забавлять детишек я не мастер;
Выглядеть притворой не хотела.
Как обычно с Юрой или Настей,
Разговор наш перешел на дело.

Он:

— Как сделать, чтобы каждой веткой
До окошка дотянулась елка?

Я:

— Необходима табуретка.

Но работать нам придется долго.
А зачем — спросить я догадалась —
До окошка каждой веткой надо?

Он (подумав):

— Людям будет радость.
Вся Москва увидит — будет рада!

(В малом стебельке, в неясном чуде,
В коем только пробуждался разум,
Ожила машеровская фраза:
«Будет радость людям».)

— Но, поскольку на окне гардины,—
Предложила я оперативно,—
Елка потолок пускай раздвинет
И поздравит верхнюю квартиру!

Я сказала:

— Вьюга завывает,
Заметает след лисы и волка,
Но растет зеленая живая,
Все преграды раздвигает елка!

...Открывались вечные владенья
Немудреной белоснежной сказки,
Возникало строгое виденье
Новогодней елки партизанской.

А потом, как из Вселенной эхо —
Отдаленно, призрачно знакомо —
Легкая ребячья россыпь смеха
Засветилась в полумраке дома.

15. НАТАША

— Здравствуйте, Машерова Наташа!
Вы не только красотой лица,—
Каждым жестом, каждым словом вашим —
Редкостная копия отца!

В повторенье личности уверовав,
Потрясенно слушаю я вас —
Будто самого Петра Машерова
Фронтовой трагический рассказ:

— Небо светлое. Алеет жимолость.
Трасса — словно ровная строка.
«Чайке» преграждая путь, надвинулась
Бронева мощь грузовика.

...Взрыв — как будто ухнул динамит.
...Крик смертельный рвет земные узы.
...Изуверски изувечен лик.

— Помните,— Наташа говорит,—
Был он моложавый, темно-русый.
А в гробу лежал седой старик.

Как же мне преодолеть кошмар?!
Как не рухнуть в ярости плашмя
С думой о возмездии навязчивой?!

И почудилось, что дочь ответила:
— Зло не полновластно на планете.
Камни в почве — это преходяще!

...Мысль знакомо на просторы вырвалась.
У добра и зла там ставка очная.

...Как обманчиво алеет жимолость —
«Волчья ягода». Название точное.

16. РЕПЛИКА ПОТОМКАМ

«Случайность, — говорит Энгельс, —
представляет собой форму, за кото-
рой скрывается необходимость».

...И если где-то, в отдаленных сферах,
Вопрос придирчивый возникнет впредь —
Мол, как же все-таки погиб Машеров? —
Скажи:

— Была случайной эта смерть.

Немыслимо растолковать все случаи
Погасших светочей во мгле инерции.
Порой неожиданно погибают лучшие,
Внезапно не выдерживает сердце.
Идут, уходят в дали, конфронтируют,
Сшибаются с пути, смертельно сталкиваясь
Две линии Истории. Пунктирные:
Дерзання творческого и отсталости.

...В столице — выставка былого века,
К ней шумной тесноты полукольцо.
А на полотнах в образах Эль Греко
Мне видится Машерова лицо.
Нет, это не причуды освещенья
Московской выставки музея Прадо, —
В твореньях гениальных воплощенье
Нашла незыблемость отваги, правды.
Враждебна ей тенденция иная —
Всемирной вечной мафии напор, —
Когда пигмеи злобно поднимают
Крылатость, рвущуюся на простор.

Один Грядущего возводит здание,
Другой себе нору мостит, как крот,
Двух скрытых линий противостояние —
Быть может, самый напряженный фронт.

Из недр веков,
по вехам поколений
Случайностей передается груз.

Случайные цари казнили Русь...
Случайной ранней смертью умер Ленин...

Нежданно вспыхнет даль звездой падучей...
Нечаянною бездной станет твердь...
Порой в извечной битве гибнет лучший.

Далекий правнук мой, себя не мучай:
Она была случайной, эта смерть.

17. РОЩА ИМЕНИ МАШЕРОВА

Село Успенское.

Былинные
Раздумья вековых дубрав.
Березы, словно струны дивные
Поставленных отвесно арф.

С лыжни, на белом поле видится
Гриб, странно выросший зимой.
Гриб оказался крохой — лыжницей.
Она потопала за мной.

Касался ветер светлой палицей
Причудливого хрусталя.
— Как эта роща называется? —
У спутницы спросила я.

Сияло солнце многогранное
В снежинках, словно в каплях слез.
Стояла роща безымянная
Бессмертных, как народ, берез.

И я сказала небу розовому,
Сосне, похожей на свечу:
— Назвать симфонию березовую
Хорошим именем хочу!

— Пусть будет так,— шепнуло дерево,
Смахнув серебряную грусть.
— Пусть будет имени Машерова! —
Казалось, подтвердила Русь.

— Теперь,— мне заявила спутница,—
Запомнить имя я должна,

Чтобы в лесу нам не запутаться,
Чтоб правильно вела лыжня!

Сказала я:

— Уже смеркается.
Одна я дальше побегу!
И начертала лыжной палицей
Название рощи на снегу.

...Когда-нибудь сюда с подругами
Она придет наверняка.
Увидит, что не стерта вьюгами
Начертанная мной строка;
Что под крылами ветра белого,
Как будто арф хрустальный ряд,
Березы имени Машерова
В Московской области стоят.

18. СТИЛЬ РАБОТЫ

Цветы живые на могиле,
А я не верю им!
Мне чудится: с тобой о стиле
Работы говорим.
— Работать «в остром стиле» — значит
Вести конкретный бой
За перспективные задачи
В реальности любой.
Себе ни в чем не делать скидки;
Предвидеть шторм и штиль;
Уметь признать свои ошибки,—
Все это «острый стиль».
Работать «в остром стиле» — значит,
Не убоясь угроз,
Войне «холодной» и «горячей»
Противиться. Всерьез.
Еще селенья не остыли
От давнего огня.
Учись работать «в остром стиле».
И вспоминай меня.

Мне чудится: слова вместили
Его отпор судьбе.
— Клянусь работать «в остром стиле»
И помнить о тебе!

Клянусь борьбу за справедливость,
Как ты, всю жизнь вести!

...Он в поле. Хлеб хороший вырос.
Он колос мнет в горсти.

СОДЕРЖАНИЕ

Рябина	3
Об окружающей среде	3
Русская равнина	4
Я — колыбельная	4
Прогноз погоды	5
Мать	5
На выставке картин	6
После объяснения	7
Вечер	8
Лыжня	8
Как странно кончается век	9
Коммунист (<i>Лирическая поэма</i>)	9

Екатерина Васильевна Шевелева

ПАМЯТЬ

Редактор М. М. Ж и г а л о в а.

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 08.02.83. Подписано к печати
21.04.83. А 00660. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
Учетно-изд. л. 1,49. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 881. Зак. № 193. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно приобрести по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи.**